

степенной побѣдѣ духа надъ плотью и заключается, по его ученію, совершенствованіе жизни.

Церковь тоже молится Богу о содѣйствіи намъ въ подвигѣ жизни, «да плотскія похоти вся поправше, духовное жительство пройдемъ»; она тоже учитъ о возвышеніи духа надъ плотью, какъ обѣ одной изъ существеннѣйшихъ цѣлей жизни, и осуждаетъ чувственные грѣхи, какъ-то: обѣяденіе, блудъ, роскошь, лѣпнъ и прочие грѣхи по молитвѣ пр. Ефрема Сирина. Церковь, затѣмъ, не раздѣляетъ ученія любви Христовой отъ разума, называя напротивъ свое богооткровенное ученіе высшою «Божьею силою и Божею премудростью», и воспѣвая въ день своего праздника: «Рождество Твое, Христе Боже наипъ, всесія мірови свѣтъ разума». Но она не ограничивается развитіемъ формальнымъ, развитіемъ разумности и духовности, а прежде всего заботится о томъ, чтобы наша духовность наполнялась извѣстнымъ содержаніемъ, не злымъ, но добрымъ. По новой вѣрѣ, зла сознательного, духовнаго, быть не можетъ, ибо разумъ есть Божество; зло только въ плотскомъ. А церковь кромѣ этого зла, кромѣ паденія по образу звѣрину, предостерегаетъ нась отъ тягчайшаго зла духовнаго, отъ паденій по образу сатанину, отъ гордости, отъ зависти, отъ честолюбія, отъ лжи, отъ ненависти, отъ наслажденія не плотью, но любой своей при видѣ мученій другихъ. Эти чисто духовные грѣхи, которые невозможно свести на чувственность, описаны мастерски отеческими писателями и выяснены въ жизненныхъ картинахъ Достоевскимъ. Если чувственность есть зло, если любовь къ своей плоти мѣшаетъ христіанскому совершенствованію, то еще болѣе противно ему себѧлюбіе по отношенію къ своему духовному я, поставленіе въ немъ цѣли своей жизни. Сочиненіе «Моя вѣра» не признаетъ возможнымъ соединенія зла съ разумностью, оно отвергає діавола, какъ духа зла, а признаетъ его за простой голосъ плоти. Но развѣ не сознательно—духовный характеръ имѣла вражда фарисеевъ противъ Спасителя? Развѣ притончій фарисей не жертвовалъ утѣхами плоти ради гордости? Онъ не былъ хищникомъ и прелюбодѣемъ, подавалъ милостыню и постился, а все-таки пребывалъ въ горделивомъ себѧлюбіи. Авторъ за высшее проявленіе духовнаго начала признаетъ добровольную смерть; но если въ ней заключается высшая побѣда надъ чувственностью, надъ зломъ, то всякаго рода самоубийства, хотя бы по причинѣ псевдовлетвореннаго самолюбія, не являются ли